Глава шестая: Линь Ань

Вскоре Линь Ань вышла из затвора.

Второй ученик главы, фея Двойного Дерева Даосской Обители Чистого Холода. Она была одной из немногих в Обители, кто не носил белых одежд.

Изумрудный наряд, лазурная рубаха, тонкая вуаль на лице. Она стояла в отдалении и отвесила вежливый поклон.

Цзи Яо ответил тем же.

Он представил её Гу Саню: Саньцин, это твоя старшая сестра-наставница Линь Ань.

Гу Сань произнес: Старшая сестра-наставница.

Она слегка коснулась земли носками туфель и вспорхнула прямо к нему.

Маленький младший брат.

Её голос звучал отстраненно, прохладно. На спине у неё покоился тяжелый меч.

Она взмахнула пальцами, и в них появилась деревянная табличка, которую она протянула Гу Санцину.

Я долго была в затворе, — проговорила она, — боюсь, ты меня не помнишь, пусть это будет подарком при нашей первой встрече.

Гу Сань взял табличку и увидел на ней иероглиф Перо.

Система пояснила: Это жетон для доступа к духовному питомцу из задних гор. Раз написано перо, скорее всего, это журавль-бессмертный.

Гу Сань поклонился: Благодарю, старшая сестра-наставница.

Она кивнула в ответ и промолчала.

Гу Циньляо улыбнулся: У Двойного Дерева доброе сердце. Ну, раз ты вышла из затвора, можем отправляться немедля. Идемте.

Слушаюсь!

Даосская Обитель Чистого Холода по праву считалась великой школой: горные хребты тянулись бесконечно, небо и земля казались бескрайними, и, сколько ни гляди, конца им не было видно.

Гу Сань, сколько бы раз ни смотрел, всякий раз не переставал изумляться.

Цзи Яо, неся его на руках, ступил на Юаньчжи и последовал за Гу Циньляо.

Усадив мальчика в карету, Цзи Яо вышел, чтобы переговорить с учениками низших ступеней.

К Секретному Подземному Царству обычно отправляли самых выдающихся внешних учеников. После возвращения из этого похода многие из них могли рассчитывать на отбор во внутренние ученики.

Гу Саню в карете было скучновато.

Снаружи ученики шумели, оживленно переговариваясь. Обычно для открытия подобных тайных мест присутствие учеников главы вовсе не требовалось, не говоря уже о старейшине Обители Чистого Холода — Гу Циньляо.

Но поскольку в этот раз с ними отправился Гу Санцин, охрана была делом первостепенной важности.

Гу Сань повертел в руках деревянную табличку и, прислонившись к окну, задремал.

Когда он очнулся, то обнаружил, что лежит, положив голову на колени Цзи Яо.

Слышался мерный цокот копыт, путь предстоял долгий.

Карета мчалась прямо по небу.

Гу Сань опешил. Он приподнялся, отодвинул занавеску и увидел лишь белоснежные облака и лазурь небес.

Проснулся? — с улыбкой спросил Цзи Яо. — Скоро будем в городе, куплю тебе сладостей.

Гу Сань кивнул.

Он не отрывал взгляда от того, что было внизу, чувствуя, что не может насытиться этим зрелищем.

В этой жизни он и представить не мог, насколько велик мир.

Он смотрел на города, городки и деревни внизу. Они казались крошечными, словно зернышки риса.

Их карета отличалась от тех, в которых ехали ученики, ещё не достигшие стадии Закладки Основания.

Карета плавно опустилась с небес и зацокала по мостовой города.

Гу Сань увидел, как Цзи Яо коротким жестом достал пачку подорожных грамот и передал их стражникам у городских ворот.

Как необычно, как удивительно!

Это был мир людей, это была суета земной жизни.

Детишки, с восторгом глядящие на сладости; хозяйка винной лавки, поправляющая прическу и зазывающая покупателей; пар, вырывающийся из открытого короба с паровыми булочками.

Засахаренные плоды, белые пампушки, ячменный сахар, горячие лепешки.

Уличный артист выдувал огонь, звенели гонги и барабаны. В чайной неподалеку рассказчик истошно кричал, срывая голос, а толпа награждала его аплодисментами.

Они остановились на постоялом дворе, чтобы передохнуть.

Гу Циньляо остался в гостинице, а Цзи Яо и Линь Ань повели учеников в ресторан.

Всё-таки среди них было много тех, кто еще не достиг Стадии Закладки Основания, поэтому слишком торопиться было нельзя. Нужно было дать им поесть и отдохнуть.

Путешествие растянулось, давая молодежи возможность увидеть мир.

Гу Сань с любопытством вертел головой.

Сопровождавшие их ученики были весьма одаренными, большинству из них исполнилось по

восемнадцать-девятнадцать лет, лишь немногие были помладше, шестнадцати-семнадцатилетними. Все они выглядели блестяще, окружая своих наставников.

Все они были одеты в одинаковые снежно-белые одеяния Обители Чистого Холода с вышивкой красной сливы, и каждый из них казался красивым и незаурядным.

Наставник-дедушка, а кто этот младший брат? — с улыбкой спросил Цзи Яо один из юношей, явно чувствуя себя достаточно свободно.

Цзи Яо рассмеялся: Какой же он младший брат? Он ваш младший наставник-дедушка.

Все в изумлении замерли и поспешили поклониться.

Гу Сань улыбнулся и застенчиво поклонился в ответ.

Наставник-дедушка… какого же ранга этот ребенок?

Система хмыкнула: Ну и притворщик.

Гу Сань проигнорировал её.

Группа подростков, как полагается, обменялась приветствиями и разошлась по местам, чтобы приступить к трапезе.

Эти юнцы, еще не достигшие Стадии Закладки Основания, были хитрыми лисами. Раз Цзи Яо не назвал имени Гу Санцина, будь то по забывчивости или по какой-то особой причине, они, конечно, не стали спрашивать. Они лишь поняли, что ребенок этот обладает огромным весом, ссориться с ним нельзя, а лучше — всячески задабривать. Вот они и обхаживали его, то и дело называя младшим наставником-дедушкой.

Гу Саню это слышалось как маленький господин подаяний.

Вы же даосы, к чему говорить так, словно вы монахи?

Он смутно понимал замысел Цзи Яо. Лучше не афишировать имя такого маленького ребенка, в котором заключен иероглиф Чистота.

Цзи Яо, наблюдая за этим, слегка улыбался, храня молчание.

Он только что отпустил марионетку в лавку за лакомствами.

Печенье из маша, кунжутный сахар, пирожные с османтусом — всё это было завернуто в несколько слоев изумрудных листьев лотоса.

Цзи Яо развернул пастилу из боярышника и небрежно поднес её ко рту Гу Санцина.

Линь Ань приподняла бровь, хотя за вуалью её лица было не разглядеть выражения.

Вдруг Юаньчжи на спине Цзи Яо мелко задрожал.

Он выпрямился и оглянулся.

Линь Ань положила руку на рукоять тяжелого меча и тихо спросила: Что такое?

Цзи Яо нахмурился, едва заметно заслонив собой ничего не понимающего Гу Санцина, и прошептал: Будь осторожна, я чувствую это. Кто-то за нами наблюдает.

В отдельном кабинете на втором этаже.

Кто-то приоткрыл ярко-алые губы и рассмеялся: Младший наставник-дедушка? Такой крохотный ребенок — и уже наставник-дедушка…

Ой, — она засмеялась, — да он же уже достиг Стадии Закладки Основания!

Её голос был необычайно мягким, словно вода или шелк, он просачивался в уши, подобно тому, как повилика обвивает высокое дерево.

Напротив сидел человек в черном, с темными волосами и ледяным выражением лица, не проронивший ни слова.

Скучно, как скучно, — прохихикала женщина.

Она была изящна, её глаза источали обольщение, а на кончиках пальцев ярко алел лак.

Чуть не раскрыли, — она погладила свои губы и вдруг широко раскрыла глаза, — а ведь он такой хорошенький.

Человек в черном слегка постучал по чайной чашке и холодно произнес: Это дело провернуть непросто, не навлекай беду.

Сидевший рядом с ним нахмурился: Чан Ли прав. Это же первый ученик Чжэньжэнь Цинхань,

мастер Юаньчжи, Цзи Яо. Туми, не вздумай шалить.

Ну, чего вы боитесь… я никогда не шалю, — Туми бросила взгляд на Цзи Яо и кончиком языка облизала губы.

Я всегда шалю очень расчетливо.

Если прямо перед глазами такая красота, разве не будет грехом её не попробовать?

http://bllate.org/book/30708/3743233